

Русские тетради

Историко-политические анализы и комментарии

№ 30. Буэнос-Айрес, июль 2016

Три мифа о демократии

За последние сорок с лишним лет, я написал и опубликовал более десятка статей о демократии. В «Русских тетрадях» были опубликованы три мои статьи на эту тему: в № 10 «Республика и демократия», в № 12 «Первоначальная демократия» и в № 14 «Зарождение демократии». Кроме того, за это же время, я прочел в Буэнос-Айресе несколько докладов о древней афинской демократии, на русском и на испанском языках.

Несмотря на это, я продолжаю получать письма из России с комментариями и вопросами на эту тему. Ввиду такого широкого интереса, которым эта тема пользуется, в настоящем номере публикуются вопросы о демократии, полученные мною недавно из России, и мои ответы на них. В этом номере также воспроизводятся и две мои давнишние статьи, которые были опубликованы передовицами под моим именем в 1975 и 1979 годах в газете «Наша Страна». Одной из причин такой непрекращающейся актуальности этой темы, является тоже непрекращающееся муссирование разных мифов о демократии. Для того чтобы внести минимальную ясность в эти вопросы, сперва необходимо отметить и назвать своим именем главные из этих мифов.

В данном случае, можно указать на **три главных мифа о демократии**:

1. Терминологический миф, провозглашающий принципиальное превосходство этого политического режима над всеми остальными режимами, якобы на основании утверждений основоположников политической науки Платона и Аристотеля. Этот миф основывается на грубых подлогах, при переводе трудов указанных философов на современные языки, после французской революции.

2. Исторический миф, о идентичности афинской демократии с Афинским полисом, а следовательно и тождественности достижений древнегреческой, и в частности афинской культуры, с достижениями афинского демократического режима. Этот миф основывается на игнорировании древней истории. Первое поселение на месте будущих Афин возникло в середине XIX века до Р. Х., первый царь в Афинах упоминается около 1400 года до Р. Х.; учреждение независимого Афинского полиса приписывается царю Тесею два-три века спустя; демократические реформы архонта Клисфена происходят в 508 году до Р. Х.; утверждение абсолютной демократии в Афинах совершается в 458 году, когда сильно урезаются права Ареопага (Сената); конец демократии и конец независимого Афинского полиса наступают в 338 году до Р. Х. Значит, Афинское независимое государство просуществовало более семи веков, а демократия в нём всего лишь его последних 120 лет, поле чего она погибла, увлекая за собой в гибель и само афинское государство.

3. Политический миф, о превосходстве оригинальных афинских демократических структур и процедур, над всеми остальными политическими структурами и процедурами. Главными процедурами афинской демократии были назначение на государственные должности путём метания **жребия** и **«остракизм»**, т. е. изгнание выдающихся граждан из полиса, на основании общего голосования. Правда, это изгнание не было неограниченным во времени, как в наши времена, а простиралось лишь на десятилетний срок.

И. Н. Андрушкевич

Вопросы читателя «Русских тетрадей» о Афинской демократии

1. Вопрос: «Прошла ли древнегреческая демократия исторически полный, естественный цикл саморазвития и было ли ее военное поражение той внешней причиной, обстоятельством, которое насильственно прервало ее прогрессивное развитие или же это лишь сократило время ее внутренней деградации и упадка?»

Ответ: В современной публицистике не всегда достаточно уточняется разница между **греческим полисом** и **афинской демократией**. От этого уточнения частично зависит и ответ на этот Ваш вопрос. В Древней Греции было много полисов, одно время более ста. Под Древней Грецией надо подразумевать по крайней мере четыре больших географических региона: континентальная Греция (на Балканском полуострове), с близкими к ней островами; побережье Малой Азии; Сицилия; Южная Италия, включая Калабрию. Государственная модель «полиса» также распространялась и на не-греческую Центральную Италию, на север от Неаполя, т. е. на латинские, савинские и умбрские города и на территорию этрусской федерации городов, между реками Тибр и По. В одном исследовании, опубликованном более пол века тому назад в философском журнале Юнеско «Диогенес», было выдвинута гипотеза, что греко-италийский полис возник как синтез ближневосточной территориальной организации огороженного укрепленного поселения и индо-европейских родовых и племенных структур. Можно сказать, что при зарождении полиса произошло некое замещение родов улицами, племен кварталами (в Новгороде «концами»), а надплеменных союзов – полисами.

В Греции все полисы вначале были под сильным влиянием минойской культуры на Крите, где строго говоря полисов и не было, а были лишь большие дворцы, с прилегающими к ним служебным постройкам, которыми управляла бюрократия. После коллапса микенской культуры в Греции (так принято называть период греческой культуры под влиянием минойской), под натиском последних волн индоевропейских завоевателей Греции (дорийцев), возникает политическая структура полиса. Предание приписывает это афинскому царю (василевсу) Тесею, освободившему Афины от дани критянам, согласно легенде о Минотавре.

Политический строй полиса быстро распространился на весь тогдашний греко-италийский мир. В рамках такого территориально-родового-племенного синтеза политических структур, можно различить два больших стиля: афинский и спартанский (дорический). Но у них было очень много общего. Кроме того, в афинской сфере влияния всегда присутствовала известная мечта по спартанским «добродетелям» и даже их частичная идеализация, на основании мнения, что таковые и являются подлинно эллинскими. В рамках полиса происходила, в течение приблизительно семи веков, эволюция его политических структур, то что Вы называете **«естественным циклом саморазвития»**. Значит, не демократия развивалась, а полис. Демократия (понимаемая, как **абсолютная демократия**) является лишь одной из поздних фаз этого развития, предпоследняя его фаза, перед вырождением в демагогическую олигархию или в тиранию, хотя Платон считает, что тирания уже находится вне категорий политических режимов. Каждая из этих фаз может иметь разные этапы, периоды. Аристотель употребляет сложную терминологию на эту тему, в том числе и на под-виды политических режимов, но её в современном мире часто избегают употреблять, как, например, выражение **«крайняя демократия»**. Аристотель выработал сложную классификацию всех возможных видов политических режимов в полисе (вне полисов были варвары, которых Аристотель упоминает отдельно), с указанием их теоретического чередования: монархия, аристократия, полития (республика), демократия, олигархия и тирания. Первые три формы правления Аристотель называет «правильными» («орфас», как в слове «орфография»), а остальные три – их искажениями («пареквасеис»). Аристотель считает, что такое прогрессиное вырождение политических режимов желательно задержать, для

достижения наивысшего политического блага – «анастасии», т. е. устойчивости, стабильности. Тексты Аристотеля по данному вопросу не всегда являются полностью ясными, хотя часто повторяются в его труде «Политика». Нельзя забывать, что это не был труд для широкой публики, а, по-видимому, конспект его устных лекций ученикам.

Я, вот уже более сорока лет, изучаю эти тексты, по превосходному двуязычному (греко-испанскому) изданию испанского Института политических исследований (Мадрид, 1970), и мне кажется, что Аристотель считает, что неизбежный процесс прогрессивного вырождения политических форм полиса (государства) легче и лучше всего задержать, притормозить, **на уровне «политии»** (этот термин Цицерон затем перевёл как «**республика**»), при условии, что эта полития будет сохранять в той или иной мере элементы двух предыдущих лучших режимов (монархии и аристократии), а также и следующих за политией уже извращенных режимов демократии и олигархии. Значит, Аристотель считает лучшим реально возможным политическим режимом **смешанный режим** (монархии, аристократии, демократии и олигархии), в разных пропорциях, смотря по историческим обстоятельствам. Эту идею затем разовьет другой греческий автор, Полибий. Однако, нужно не упускать из виду, что Аристотель в своей классификации на самом деле имеет виду отвлеченные виды, т. е. **модели, схемы**, ибо, в действительности, почти все политические режимы являются смешанными, хотя бы минимально. Аристотель же рекомендует такую смесь специфически увеличить и формально закрепить. Я предполагаю, что Аристотель в данном случае имел ввиду пример Римской Республики, хотя он нигде ее конкретно не упоминает. Именно в Риме, во время жизни Аристотеля, мы видим такой **равномерно смешанный** политический режим, в основном опирающийся на служилую аристократию, но сохраняющий сильные элементы монархии и демократии, во имя общего блага. Лишь олигархия и тирания были тогда в Римской республике исключены. Как сказал Иван Солоневич: только монархия может успешно защитить демократию от олигархии и от тирании. Для этого, демократия, в свою очередь, тоже должна как-то самоограничивать себя, а монархия должна воспитывать и организовывать подлинную элиту (аристократию), дабы не оказаться в зависимости от партократии, бюрократии или олигархии. Учитель Аристотеля Платон предлагал немного иную классификацию, которую я разбираю в моей статье «*Государственная роль воспитания согласно Платону и Аристотелю*», в сборнике «*Превосходство кадетского воспитания*». (<http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar>)

Платон считал, что от правителей надо требовать, в первую очередь, чтобы они были **порядочными и компетентными**. В своем последнем труде «Законы», он предлагает подробную систему воспитания граждан, а затем и правителей, для сохранения хорошего политического строя. Никто не может стать полноправным гражданином, без прохождения полного курса всестороннего среднего образования (наподобие наших кадетских корпусов до революции) и отбытия двухлетней воинской повинности. Кандидаты в правители затем должны еще учиться десять лет, а потом двадцать лет помогать в управлении старшим правителям, и лишь после этого, исполнив 50 лет, могут становиться правителями. Можно сказать, что в Риме тогда это было в основном достигнуто, особенно что касается стажа будущих правителей, но в Афинах именно эта часть требований Платона не исполнялась.

Гадать, после уже свершившихся событий, какими другими альтернативными историческими путями могла тогда пойти афинская демократия, не только трудно, но и не находится в сфере исторических анализов. История есть лишь **правдивое описание бывшего**. В человеческой истории действует **свободная воля людей**, среди каковых иногда появляются и ведущие исторические личности, меняющие по своей воле частично курс истории, хотя история развивается в общих рамках определенных объективных данных (климатических, географических, экономических, цивилизационных, геополитических, религиозно-культурных и т. д.), но также и подвержена случайностям. Например, эпидемию чумы в Афинах во время войны со Спартой, до некоторой степени, было невозможно предвидеть. Однако, саму по себе войну можно было предвидеть, ибо

афинская демократия сильно нуждалась в больших средствах для оплачивания черни за её работу гребцами на флоте и за её «заседания» в судах. Для этого она систематически присваивала себе средства своих союзников по Афинскому морскому союзу. Когда же Спарта стала противодействовать этому, пришлось думать о войне, ибо тогда еще не было бумажных денег и Афины не имели денежного печатного станка.

Мне лично кажется, что отмечаемые Вами **«деградация и упадок»** в основном чаще всего происходят, как следствие собственной измены своей собственным началам, своей собственной внутренней программе. Отказ, отречение от своей сути и от своей собственной исторической программы и есть вырождение, деградация. В таких случаях, сама такая измена и является самонаказанием. Как говорит русская пословица, **за что боролся, на то и напоролся**. Известный голландский философ Барух Спиноза утверждает, что **наказанием народов за их отступничество от собственных начал всегда является их подпадение под нехорошие политические учреждения и структуры**. Он считает, что инцидент поклонения Золотому Тельцу во время скитания имел весьма плохие последствия для Древнего Израиля, ибо Моисей по этой причине отменил свою первоначальную систему служения всех первенцев всех колен Израиля, назначив вместо них левитов, из колена Левия, не поклонившегося Золотому Тельцу.

Согласно Аристотелю, в Афинах элемент демократии впервые появляется в её политическом строе при царе Тесее, т. е. уже в XI или XII веке до Р. Х. В данном случае важно обратить внимание на то обстоятельство, что в те времена вся власть в Афинах была у царя (василевса), окруженного всадниками-аристократами. Ни крестьяне, затем ставшие костяком пехоты, ни городская чернь, затем ставшая оплачиваемыми гребцами на флоте и оплачиваемыми присяжными в суде, тогда никакой роли еще не играли. Значит, очевидно, что это нововведение не было вынужденным, а, по всей вероятности, возвратом к исконным политическим началам и традициям индоевропейских племён, ворвавшихся на территорию Греции около XIX века до Р. Х., затем запущенных, под влиянием минойской гегемонии. Такое предположение подтверждается наличием аналогичных политических структур и у других индоевропейских народов, как, например, у римлян и славян, с политическим строем, образованном в основном из **четырёх элементов: царь, сенат** (у южных славян «Малое вече», в Новгороде «Господский совет», в Киеве «Старшая дружина», в Москве «Боярская Дума»), **магистраты** (в Новгороде посадник и тысяцкий) и **народное вече** (в Москве Земский Собор).

После включения царем Тесеем демократического элемента в политический строй Афинского Полиса, в нём следуют еще 11 конституционных реформ, согласно перечислению Аристотеля в его труде **«Конституция Афин»**. Первые из них можно считать необходимыми и положительными, но последние были проявлением демократического «гибриса» (преувеличения), в нарушение древнегреческого принципа **«ничего черезчур»** и русской поговорки **«хорошего понемногу»** (северные американцы говорят «ту мачь»). Как считали древние греки, чрезмерные преувеличения всегда приводят к «перипетии», т. е. к внезапному исчезновению удачи и в дальнейшем к божественному возмездию – «немезису». Вот краткая хронология этого исторического процесса в Афинах, которую я даю более подробно в моих выше упомянутых статьях:

- 1068: Смерть царя Кодроса, **последнего царя** с титулом василевса. После него – **пожизненные архонты-василевсы**. Первый пожизненный архонт – Медонт (1068 – 1048).

- Учреждение должности **полимарха** (тысяцкого, воеводы, буквально «начальника войны»), первоначально в качестве первого помощника царя. Со временем, учреждение третьего архонта (буквально «начальника»), который затем станет первым.

- 753: Архонтов выбирают не пожизненно, а на 10 лет.

- 682: Архонтов выбирают только на 1 год.

- Учреждение шести **младших архонтов**, так что в Афинах стало девять архонтов.

- Со временем, первым архонтом становится третий архонт, с **титулом архонта-эпонима**, т. е. дающего свое имя году. Титул царя (василевса) сохраняется для второго архонта, без каких-либо политических или военных функций, а только для возглавления

религиозных жертвоприношений и обрядов. Третьим архонтом является полимарх. Отслужившие свой срок архонты становятся членами **совета старейшин** (сената), заседающих на **Ареопаге** (холме бога войны Ареса), напротив Акрополя, под председательством архонта-василевса.

- 624: Первое письменное законодательство архонта Дракона, сохраняющее жестокие наказания обыденного права за уголовные преступления, в том числе особенно за воровство (смертная казнь).

- 594: Социальные, конституционные и денежные реформы архонта **Солона**. **Разделение граждан на четыре класса по годовому доходу**, а не по родовому происхождению. Кандидаты в архонты выдвигаются **путём жребия, только из граждан первого класса**.

- 508: Реформы архонта Клисфена. Окончательное преодоление родовой системы. **Земская** (территориальная) **система демосов** (уездов, округов, общин, приходов, буквально «частей» или «отделений»). Этимологически «демос» значит **подразделение, отделение, часть**: «Демос, *территориальное подразделение и народ этого подразделения, от корня «de, daiomai, разделяю»*. (Итальянский этимологический словарь древнегреческого языка: Vocabolario Greco antico. Renato Romizi, Bologna 2001). С помощью этого корня «де» образованы многие слова в разных индоевропейских языках, как например: делить, deal, Theil.

- 497: Очередная конституционная реформа: архонтов можно выбирать не только из первого, но также и из второго класса граждан. Должность полимарха (тысяцкого) становится первенствующей в Афинском полисе.

- 462-458: Дальнейшие конституционные реформы. Переломный момент: возникновение абсолютной демократии, **крайней демократии**, по терминологии Аристотеля. Сильно **урезаются права Ареопага** (Сената), который сохраняет за собой лишь уголовную юрисдикцию, для особенно тяжких преступлений, но теряет все политические функции. Остальные судебные дела подлежат суду присяжных поверенных, из граждан всех классов, **ежедневно заседающих за плату**. Архонтов можно выбирать также из третьего класса граждан, кроме первого архонта, который должен, как и прежде, принадлежать к военному сословию.

- 431: Начало 27-летней войны Афин против Спарты.

- 429: Смерть стратега (генерала) Перикла, бессменного многолетнего, ежегодно переизбираемого, вождя афинской демократии, от чумы, во время осады Афин Спартой. Более трети населения Афин умирает от чумы.

- 404: Полное поражение и капитуляция Афинской демократии.

- 399: Афинская демократия казнит Сократа, по ложному обвинению его в растлении религиозного чувства афинской молодёжи.

- 338: Конец 120-летней афинской абсолютной демократии, и вместе с ней независимого Афинского полиса, навсегда. Включение Афин в Македонскую Монархию.

В заключение этого сложного ответа на Ваш вопрос, считаю необходимым отметить, что афинская демократия категорически отличалась от современных неodemократий. В первую очередь, она не основывалась на партотократии, коррупции и на выборах кандидатов от партий, а на принципе представительства от «**демосов**», территориальных частей полиса. Во время реформ Клисфена в Афинах было сто демосов. Представители от демосов ежегодно менялись на собраниях демосов, так что не было необходимости ни в партиях, ни в избирательных кампаниях, ни в сборах средств для этого. Так что и коррупции было категорически меньше. Эти представители демосов затем определяли метанием жребия архонтов Афин. Никто не мог быть назначен повторно. Кроме того, в афинской демократии наказанием за воровство была смертная казнь, как и за «растление религиозных чувств молодёжи». Даже Сократа, «лучшего из людей», по словам Платона, Афинская демократия казнила, по ложному обвинению в этом последнем преступлении.

II. Вопрос: «Насколько самодостаточна и устойчива была аксиоматическая структура демократического сознания греков и насколько она соответствовала их мировоззренческим и религиозным представлениям?»

Ответ: Я лично думаю, что у древних греков не было никакой **«аксиоматической структуры демократического сознания»**. Её даже не было у большинства афинян, которые отнюдь не преобладали в древнегреческом мире. Ведь в Афинах, в течение всех 120 лет крайней демократии, практически происходила так или иначе гражданская война, именно из-за неприятия такой демократии. 27-летняя война со Спартой, во время этого демократического периода, до некоторой степени тоже была тесно связана с этой гражданской войной. Кроме того, Древняя Греция не состояла только лишь из якобы демократических Афин и аристократической Спарты, но также и из греческих городов в Сицилии, Калабрии и Малой Азии, где даже сохранялись резидуальные элементы ахейских (микенских) порядков и терминологий. Например, в греческих городах Сицилии продолжал употребляться догреческий титул «тирана», который в балканской Греции считался неприемлемым.

Однако, мне кажется, что в области **мировоззренческих и религиозных представлений** древних греков, у них в основном сохранялось единство. Они также несомненно предпочитали свободную жизнь в полисах, и пытались отвращение к большим государствам восточного типа. Также несомненно, что они предпочитали соборный (т. е. смешанный) политический строй, в котором должна соблюдаться **справедливость для всех. В полисе должна царить справедливость, обеспечиваемая правосудием, в свою очередь покоящемся на законе, выводимом из народных нравов: «Где закон не обладает авторитетом, там нет политики (конституции полиса). Закон должен стоять выше всего, а сама политика и её сановники должны решать только лишь частные случаи. Если демократия является одной из форм правления, и если она будет организацией, в которой всё решается путём декретов (а не законов), она не будет настоящей демократией, ибо ни один декрет не является соборным (καθολου, «кафолу», т. е., «кафолическим», соборным, всеобщим, универсальным).» (Аристотель, Политика, 1292 а).**

Аристотель считает, что «писанные законы» («ката граммата номой») должны опираться на **«нравственные законы» («ката то этос номой»)**, ибо **«нравственные законы важнее писанных, и касаются вещей более важных»** (Политика, 1287 в). Фундамент, на котором покоятся писанные законы, является **многолетним отстоем** верований, нравов, обычаев и традиций, **не подвластных прихотям очередных законодателей.**

III. Вопрос: «Какие ценностные, экономические, юридические, общественно-психологические противоречия, конфликты, проблемы в решающей степени способствовали разрушению и упадку демократических механизмов государственной организации жизни греческой общины?»

Ответ: «Упадку демократических механизмов государственной организации жизни греческой общины» в первую очередь способствовало несоответствие механизмов крайней (абсолютной) демократии в Афинах (практически только в Афинах, а не во всей Древней Греции) выше отмеченному соборному характеру общегреческого полиса.

IV. Вопрос: «Насколько точно и адекватно мы можем реконструировать модель «древнегреческого демократа» с позиции и учетом опыта апостериорного присутствия христианства в нашем мире и сознании?»

Ответ: Христианство возникло в тройных исторических рамках еврейского народа, эллинистической цивилизации и римского государства, что было засвидетельствовано и трёхязычной надписью на Кресте. Три Евангелия были написаны по-гречески, а четвёртое сохранилось лишь в греческом варианте. Сам Христос предупредил: **«Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит.»** (Матф. 12, 25). В греческом оригинале слова «город» и «разделившийся» указаны как **«полис»** и **«мерисдеуса»**. Сложное слово «мерисдеуса»

образовано из существительного «мерис» (часть, у Демосфена – «политическая партия») и глагола **делить**, разделять (de, daiomai, daiestai, имеющего общий корень со словом «демос»). Апостол Павел посетил Афины и похвалил афинян за их дохристианскую религиозность. Само имя «христиан» впервые стало употребляться в эллинистической Антиохии. Великие древние христианские богословы были в основном по образованию греческими философами, как и создатель нашей славянской азбуки, Святой Кирилл, в миру Константин Философ. Они нам и сохранили на христианском Востоке мировоззренческие и философские труды Древней Греции, которые на Западе были полностью потеряны. В некоторых древних провинциальных православных храмах на Балканах, в их притворах иногда изображались на фресках древние греческие философы Платон и Аристотель, иногда даже величаемые «дохристианскими святителями». Уже в наши времена, в кабинете первого Президента Кипра Архиепископа Макария висел лишь один портрет: Платона. Значит, не удивительно, что многие образованные христиане видели и видят культуру Древней Греции через христианские очки, но эти очки тоже частично эллинские.

V. Вопрос: «Насколько конкурентноспособна современная либеральная система ценностей для построения либерально-демократической модели современного человека, если все-таки пытаться усматривать существенную духовную «пустотность», внутреннюю дефектность либерализма?»

Ответ: Мне лично кажется, что «современная либеральная система ценностей» не конкурентноспособна по отношению к подлинной системе православных христианских ценностей, но частично конкурентноспособна по отношению к любым видам социализма (включая национал-социализм), тоже выпестованных некоторыми секторами Запада, в замену многим своим собственным первоначальным ценностям, которым они затем, в той или иной мере, изменили. Именно этот факт частично объясняет слепую многовековую русофобию Запада.

Демократия

Л. А. Тихомиров, в «*Монархической государственности*», отмечает «неизбежность» Аристотелевой классификации основных государственных форм и утверждает, что, несмотря на прошедшие с тех пор 23 века, предложенная Аристотелем классификация является более «правильной и удобной», а все анализы политических писателей, произведенные с тех пор, «доселе не открывают ничего нового». Л. А. Тихомиров подчеркивает, что «попытки изменения Аристотелевой классификации каждый раз оказываются произвольными, подсказанными какою-либо практической тенденцией». (1)

На первый взгляд может показаться странной такая «неизбежность» столь древней классификации, имея в виду развитие, проделанное политической наукой с тех пор. Однако, как в науках, так и в философии, ценность тех или иных утверждений зависит не от их относительной новизны, а от их соответствия с действительностью, т. е. от их правдивости. Если какой-нибудь аспект действительности однажды ясно опознан, то все дальнейшие повторные опознания только лишь будут подтверждать уже известное.

В истории философии и науки такие случаи иногда встречаются. Для примера можно отметить теорию силлогизмов того же Аристотеля. Известный французский католический мыслитель Jacques Maritain по этому поводу отмечает: «Перед нами редчайший случай научной доктрины, построенной в совершенстве с самого начала тем, кто ее открыл. Действительно, после Аристотеля развитие, которое получила логика благодаря другим вкладам, особенно стоиков и схоластиков, и варианты аспектов, оцененные в ней некоторыми модерными философами, особенно в XIX веке, не смогли внести никакого важного усовершенствования в саму теорию категорического силлогизма, и всякая попытка реформировать ее оказывалась неудачной». (2) То же самое можно сказать и про теорию основных государственных форм, сформулированную Аристотелем. Перечисление

этих основных государственных форм и их классификация повторяется несколько раз в произведении Аристотеля «Политика». Самый выпуклый, ясный и краткий вариант этой классификации гласит:

«В первом исследовании различных государственных форм мы различили три правильных строя («орфас политияс»): монархия, аристократия и полития («василеиан, аристократиан, политеан»), и три отклонения («пареквасеис») от них: тирания от монархии, олигархия от аристократии и демократия от политии («тираннида мен василеиас, олигархиан де аристократиас, демократиан де политеас»»). (3)

При простом чтении этого определения, сразу же бросаются в глаза две терминологические детали: греческое слово «василеиан» переводится другим греческим же словом «монархиан», а «демократия» фигурирует, как искажение «политии». «Василеиан» буквально значит «царство» (например, титул константинопольских царей: «василевс»). Сам Аристотель во многих местах употребляет оба термина: «василеиан» и «монархиан», а также заменяет одно слово другим. (1279 а, 30). Таким образом, эти два термина являются синонимами, и отдание предпочтения одному из них в современных языках не искажает их смысла.

Но раскрытие **демократии, как одной из трех искаженных государственных форм**, на первый взгляд, вызывает известный шок. Дело в том, что мы тут раскрываем подтасовку многолетней давности. И именно по ее давности, подтасовка эта стала нам привычной. Больше того, никто уже практически даже и не замечает ее. А если и замечает, то не обращает внимания, проходит мимо нее. Бесконечно повторяемое внушение притупляет сознание даже сознательных. Так, например, Л. А. Тихомиров цитированную классификацию Аристотеля «выражает в современной терминологии», как он сам говорит. В сноске он поясняет: *«То есть, называя политию Аристотеля, по-нынешнему, демократией, а его демократию – по-нынешнему – охлократией».* Однако Н. Н. Алексеев в труде «Идея государства» говорит о классификации Аристотеля: *«... Мы получаем шесть государственных форм, из которых три правильных (властвующие в общем интересе) – монархия, аристократия и полития (республика), и три искаженных – тирания, олигархия и демократия».* (4)

Научный анализ значения термина «демократия» невозможен без предварительного уяснения его первичного значения и без очищения его от позднейших искажений. В свою очередь, необходимо выяснить также причины этого искажения. Их в основном три.

Первая – это объективная трудность перевода греческой терминологии, несмотря на обильное присутствие греческих слов и корней во всех современных науках. Оставаясь в границах политической терминологии, можно взять примеры хотя бы из уже цитированной выше фразы Аристотеля о государственных формах. Так, вместо двух греческих синонимов «монархиан» и «василеиан» мы употребляем только лишь первый термин. Но вместо одного термина «политеиан» мы употребляем целый ряд выражений. Их в современных языках довольно много, но по смыслу их можно разделить на три группы. Во-первых, **полития** – это строй, режим, любая государственная конституция. Во-вторых, это **город**, государство, держава, правительство. И, наконец, – это **третья из шести государственных форм**, которую чаще всего переводят как **республика**. Например, «Полития» Платона переводится как «Республика», «Афинайон полития» Аристотеля как «Конституция Афин», а «Афинайон полития» Псевдо-Ксенофонта как «Республика афинян».

Вторая причина искажения термина «демократия» заключается в особенном подходе современной цивилизации по отношению к так называемым «неточным» наукам. Уже в самом разделении наук на «точные» и «неточные» есть известная тенденциозность. Точность или неточность должны относиться не к самой науке, а к предметам ее внимания. У разных наук разные объекты. Есть объекты измеряемые, и поэтому они будут **точными**. Есть объекты, точно не измеряемые, и поэтому они будут **неточными**. Но все науки сами по себе должны быть всегда точными. Испанские философы Ортега-и-Гассет, а за ним и Хулиан Мариас требуют от «неточных» наук еще большего ригоризма (т. е. строгой точности), чем от точных. Но на деле, очень распространена тенденция

относиться весьма легкомысленно и даже несерьезно ко всем т. н. «неточным» (или можно сказать, гуманитарным) наукам. Нам, русским, достаточно почитать иностранные труды по русской истории или статьи в энциклопедиях на ту же тему, для того чтобы убедиться в этом. Так, чтобы ограничиться, из-за экономии места, одним примером, можно указать на энциклопедию Барса на испанском языке (в издании Британской энциклопедии!). Там, между прочим, говорится, что первым русским **императором** был Святой Владимир, что династия Романовых происходит от немецких аристократов, что князь Олег был братом Рюрика, что славяне уже во времена Рюрика боялись монгольских орд, и даже что Иван IV Грозный (Васильевич) был сыном своего собственного деда Ивана III. (5) Наряду с этим, подтасовка Аристотелевой терминологии для того, чтобы **превратить демократию из плохого политического строя в хороший**, может показаться мелочью, не стоящей внимания. И никто не обращает даже внимания на абсурдность современной политической тавтологии, проявляющуюся в таких словосочетаниях, как, например, «народная демократическая республика» и т. д.

Но этим не исчерпываются причины искажения разбираемого нами термина. Есть еще одна, **третья** причина этому. Дело в том, что, в большинстве случаев, наблюдаемые неточности в области «неточных» наук, кроме того, еще весьма **тенденциозны**. Эти неточности появляются в рамках некоего **общего идеологического «соцзадания»**. Если это соцзадание весьма категорично (или, другими словами, **тоталитарно**), то «неточности» сгущаются в систему, и мы оказываемся перед «**черной легендой**» против, например, России (или Византии). (6) Кроме истории, с этим явлением можно встретиться в современных психологии, социологии и политике. **Одной из таких идеологических легенд в политике и является демократия.**

Тенденциозность, а не только неточность, в обращении с термином «демократия», подтверждается рядом доказательств. Как мы уже видели, Л. А. Тихомиров отмечает, что «по-нынешнему» демократию Аристотеля называют «охлократией». Но «демос» и «охлос» были синонимами. Так что, если «охлос» нехорош, то и «демос» не лучше. Иногда на место демократии подтасовывают слово «демагогия». Так, в Полном собрании сочинений Аристотеля, в испанском переводе Patricio de Azcárate, вышецитированную классификацию Аристотеля искажают, подменяя в ней слово «демократия» словом «демагогия». В дальнейшем тексте перевода прибегают к этому же приему, но иногда переводчик невольно путается и употребляет одновременно и то, и другое слово. (По этому поводу Хулиан Мариас отмечает, что этот перевод «научно не имеет никакой цены». Как и вся идеологическая фразеология на ту же тему). Вообще, демагогия не есть форма государственности, не есть ни «кратия», ни «архия». Демагогия есть способ, прием, метод, следствие («гигномена») **двух плохих режимов: демократии и тирании**. «Все приемы крайней демократии присущи также тирании... Поэтому льстец ценим в обоих режимах, в демократиях демагог, потому что демагог это льстец демоса». (1313, в). В другом месте Аристотель отмечает: «Итак, всякий демагог продвинулся постепенно к теперешней демократии». (1274 а). Несмотря на эти недвусмысленные определения Аристотеля, их переводят, прибегая к грубым подтасовкам и к простой подмене одних слов другими, только лишь для того, чтобы выгородить демократию из числа плохих режимов.

Заменяя выражение «демократия» один раз словом «охлократия», другой раз словом «демагогия», современные идеологи виртуозно жонглируют всеми этими терминами, ловко выпуская из описаний плохих режимов слово «демократия»: «точный смысл «демагогии» имеет синоним в другом термине, очень употребляемом греками, особенно Аристотелем... Мы имеем в виду «охлократию». ...Охлократия то же самое, что и демагогия... Демагогия или охлократия, в действительности являются одним из наибольших искажений человеческого поведения, особенно – хотя и не исключительно – в общественной жизни». (7) Однако, как мы видели, эти два синонима имеют еще третий: демократия.

Смысл этих определений демократии подтверждается и другими древнегреческими источниками. Так, например, в «Республике афинян» Псевдо-Ксенофонта (по-видимому,

написанной около 430 года до Р. Х.) можно найти следующие утверждения: «*И во всех странах лучшая часть противоположна демократии, потому что между лучшими есть минимум индисциплины и зла и максимум правоты для добродетелей*». (1. 5). «... Но кто, не принадлежа к демосу, предпочел жить в демократическом полисе раньше, чем в олигархическом, тот готовится к преступлениям и знает, что плохой менее заметен в демократическом полисе, чем в олигархии» (II, 20). «*Действительно, ни в каком городе лучшая часть не расположена к демократии, но во всех городах к демократии расположена худшая часть, потому что каждый является другом себе равных*» (III, 10). В связи с этой последней цитатой интересно отметить, что в ней ставится знак равенства плохого (какistos) с демократией. В статье «*Какистократия и экономическое водительство*», опубликованной в либеральной буэносайресской газете «*Ла Пренса*» от 19.3.75, однако, этот знак равенства ставится между «*властью плохих*» и тоталитаризмом, но обходится молчком упоминание о том, что демократия тоже «какistos».

Сходство демократии с тиранией отмечает неоднократно и Аристотель. Например: «*Тиранические процедуры все кажутся тоже демократическими*». (1319 в). Все это, однако, не значит, что демократию Аристотель ставит наравне с тиранией, или что он считает демократию вообще наихудшим режимом. Шесть государственных форм не только разделены – как мы уже видели – на три хорошие и на три извращенные формы, но все они, по классификации Аристотеля, имеют определенную иерархическую градацию.

Лучшая из лучших государственных форм по Аристотелю – это **монархия**. «*Что касается лучшего режима, то вызывает серьезный вопрос не превосходство в других благах, как сила, богатство или обилие связей, но возвышается ли кто-нибудь в добродетели*». (1284 в). Если да, тогда «*нет другого выхода, чем тот, который кажется самым естественным: пусть все подчиняются благосклонно такому человеку, и да будет он и ему подобные постоянными царями в своих городах*». «*Ничто не препятствует хорошему согласию («симфонии») монархов и их городов*». (1284 в).

Затем идет **аристократия**, то есть режим немногих лучших, но лучших не по богатству и силе, а также и по добродетелям. «*Есть эти две формы, аристократия кроме первого наилучшего режима, и третья – это так называемые политии*». Но «*в действительности все они*» - то есть аристократия и полития – «*грешат по отношению к лучшему режиму... так как они являются искажениями по отношению к нему*». (1293 в).

Что касается **политии**, то эта третья форма кажется менее всего ясной, во-первых, ибо она, как говорит Аристотель, носит имя «*режимов вообще*», и во-вторых, потому что в нашей современности ее путают с «*демократией*». Политию почти всегда переводят как «*республику*», но этот перевод нельзя считать удачным, так как в данном случае одно древнее понятие переводится другим тоже древним понятием, но взятым из иной среды. Притом, термин «*республика*» в наши дни тоже очень искажен. Вообще это вопрос сложный, который является отдельной темой. Для того, чтобы дать главную идею того, что Аристотель понимает под «*политией*», можно привести следующее его определение: «*В политиях меньшинство обладает властью отвергать, но не утверждать, так как в этом случае предложение всегда предлагается на утверждение большинства*». (1298, в). Таким образом, из трех хороших режимов есть один наилучший и еще два других хороших, но эти последние тоже являются частичными искажениями по отношению к монархии.

Если монархия является наилучшим из трех хороших режимов, то ее извращение – **тирания** – является наихудшим из трех плохих режимов. **Демократия же является наименее худшим из трех плохих режимов**, среди которых олигархия – извращение аристократии – занимает среднее место. Таким образом, Аристотель располагает шесть государственных форм в следующем порядке, идя от самой лучшей к самой худшей форме: монархия, аристократия, полития, демократия, олигархия и тирания. В свою очередь, он детально анализирует разные виды каждой из этих форм и их относительную ценность. Но наряду с относительными ценностями, Аристотель все время подчеркивает абсолютную ценность добродетели. Поэтому «*город тогда хорош, когда хороши граждане, участвующие в правлении*». (1332 а). И вообще, «*нравственные законы важнее... чем*

писанные». (1287 в). Возвращаясь к демократии как к таковой, в заключение необходимо хотя бы вкратце упомянуть основные черты **первой исторической демократии в Афинах**. Сам Аристотель, собравший конституции 158-и городов, оставил нам описание и Афинской конституции. Кроме того, мы располагаем также и трудом Псевдо-Ксенофонта «*Республика Афинян*». Эти два труда нам ясно и недвусмысленно раскрывают сущность демократии в том городе, где она родилась, т. е. в Афинах. В ней власть демоса зиждилась на следующих принципах:

Религиозность и вообще традиционализм в области народных верований. Для этого даже был сохранен титул «царя», то есть лица, которое «*распоряжается всеми факельными бегами... и заведует всеми традиционными жертвоприношениями*». (Р. Аф., 57, I). Интересно, что в Римской республике тоже сохранялась должность царя для священнодействий, «*рекс сакрорум*», а также и «*между-царя*» для назначения новых магистратов после безвластия.

Крайняя строгость по отношению к уголовным преступникам.

Непосредственность всех выборов, без всякого средостения (ни партийного, ни иного рода) между народом и выбираемыми им лицами. Этот принцип очень важен, ибо он противоположен «репрезентативному» принципу современных демократий. Аристотель особенно подчеркивает, что для того, чтобы «*судить и распределять должности по заслугам, граждане обязательно должны знать друг друга*». (1326 в).

Пропорциональность в участии во власти, но не партиям, а **по территориальному (земскому) признаку**. Этот принцип помогал осуществлению предыдущего принципа непосредственности и «*познания друг друга*». Весь город был разделен на десять фил (новгородских «концов»). От каждой фили выбиралось или назначалось по жребию одинаковое число разных должностных лиц в городе.

Применение жребия для назначения на должности, как реальной гарантии на **равноправное участие во власти всех граждан**. Право на равное участие зиждилось на социальном строе Афин, который Псевдо-Ксенофонт называет «*таласократией*», т. е. «*морской силой*». «... Там лучше беднякам и народу, чем благородным и богатым, так как народ двигает судами и сообщает силу городу... больше чем воины, благородные и лучшие». (Рес. Аф. I, 1). Принцип жребия, равно как и непосредственности и пропорциональности, направлен на обезвреживание возможных посягательств на власть со стороны разных групп, партий или существовавших уже тогда тайных обществ.

Бюрократичность и громоздкость государственного аппарата, чтобы дать наибольшему числу лиц участие в нем. Кроме того, платное исполнение судебных должностей большим количеством бедных граждан давало им постоянный доход.

Частично все эти принципы – кроме бюрократичности – и являются тем «*клоком шерсти*», который можно урвать с демократии (с настоящей, Афинской, а не с подложной, современной) для будущего государственного строя России.

Л. А. Тихомиров сделал значительный вклад в политическую науку, указав на различие между «*верховой властью*» как «*конкретного выражения принципа, принимаемого нацией за объединительное начало*» и «*властью правительственной*», как «*сочетание различных принципов*». Он говорит: «*Верховная власть нигде не бывает сложною: она всегда проста и основана на одном из трех вечных принципов: монархии, аристократии или демократии. Наоборот, в управлении никогда не действует какой-либо один из этих принципов, но замечается всегда одновременное присутствие всех их, так или иначе организуемых верховною властью*».

Россия с самого начала органически развивалась, базируясь на исторически кристаллизовавшемся принципе **единоначалия** (сиречь монархии) **в соборности**. Это и есть историческая почва нашей государственности. Для того, чтобы остаться тождественной самой себе, Россия и в будущем не должна терять этой почвы под ногами. Что же касается управительной структуры, особенно власти на местах, то в ней важное место должно занимать народное начало, которое может, в первую очередь, выразиться в форме **самоуправления**. И могут быть частично даже использованы некоторые начала

древней демократии. Но эти – вышеперечисленные – начала древней демократии нельзя смешивать с тенденциями современных беспочвенных и антирелигиозных демократий, которые в действительности являются **смесью олигархии с охлократией**.

Нашим соотечественникам, искушаемым нео-западничеством, все это необходимо тоже учесть, дабы не пойти повторно по стопам бесов и бесенят, так точно описанных Ф. М. Достоевским. Ибо, как говорит одна старая китайская поговорка, только глупцы спотыкаются два раза на одном и том же камне.

-
1. Л. А. Тихомиров: Монархическая государственность. Буэнос-Айрес, 1968. Стр. 60.
 2. Jacques Maritain. El orden de los conceptos. Buenos Aires, 1960. Pag. 266.
 3. Аристотель. Политика. 1289 а, 25. В дальнейшем, ссылки на этот труд Аристотеля будут даваться в самом тексте, в скобках.
 4. Н. Н. Алексеев. Идея государства. Нью-Йорк, 1955. Стр. 107.
 5. Enciclopedia Barsa. 1964. XIV, 377, 378.
 6. См. мою статью «Мощное психологическое оружие», Наша Страна № 1247, от 15 января 1974 г.
 7. La Prensa, 6/4/1975. Politica popular y demagogia.

И. Н. Андрушкевич

(«Наша Страна» № 1319, 10.06.1975 г.).

Демократия, как препятствие для дальнейшего политического развития

Ученик:

Но ведь понятия в словах должны же быть?

Мефистофель:

Прекрасно, но о том не надо так крушиться:

Коль скоро недочет в понятиях случится,

Их можно словом заменить.

Словами диспуты ведутся,

Из слов системы создаются;

Словам должны вы доверять:

В словах нельзя ни йоты изменять.

(Гете, «Фауст», часть 1, сцена 5-ая).

Даже при самом оптимистическом настроении по отношению к судьбам современной цивилизации, невозможно отрицать глубокие затруднения, выступающие на путях ее дальнейшего развития. Эти затруднения связаны с самыми разнообразными аспектами современности, в том числе и с чисто политической областью.

Каждая историческая эпоха вырабатывает свои собственные особенности, в том числе и политические. Политические особенности разных эпох сводятся, в конечном итоге, к **определенным чувствам политической легитимности**. Были исторические периоды, когда всеобщим признанием пользовалась лишь монархическая власть, ибо лишь она единственная считалась властью легитимной. За 1228 лет существования древнеримского государства и за 977 лет существования византийского государства – всего 2205 лет римской государственности – легитимной считалась только лишь та власть, которая как-то была связана с основными понятиями и идеями этой государственности. В наше время (ставшее «нашим» после французской революции), легитимной властью считается лишь

власть демократическая. И вот, политические затруднения нашей цивилизации тесно связаны с проблемами демократии, как единственно признанной легитимной власти.

Эти проблемы можно подразделить на три основные группы: практические, терминологические и идеологические. Все они имеют объективный характер, то есть, другими словами, их наличие не могут серьезно отрицать даже самые ярые сторонники демократии. В свою очередь, противоречие между идеологической приверженностью к термину *демократия* и сознанием присущих ей проблем создает дальнейшие затруднения, так как, вместо поисков новых путей, все силы тратятся на затушевывание этого противоречия. Для разбора проблем демократии лучше всего исходить из наблюдений и заключений ее приверженцев, не принимая во внимания критику демократии, исходящую от не-демократов.

В первую очередь, необходимо упомянуть проблематичность самого выражения «демократия» и его практического применения. Абсолютно все государства в мире прокламируют себя демократическими. Уже в Ялте Рузвельт мечтал о построении демократии во всем мире совместно со Сталиным. Недавно Картер говорил об «универсальной жизненности демократии». Аргентинская газета «Ла Насион» свою передовицу от 24.5.78 озаглавила «*Все ли демократы?*», а за два года до этого тот же вопрос был поставлен в «Ле Фигаро». В свою очередь, в декабре 1976 года «Нью-Йорк Таймс» обратил внимание на слова кипрского посла во Франции Полис Модиноса, что в тексте Хельсинкских соглашений выражение «демократия» употребляется всего два раза, а именно когда говорится о **двух демократических государствах: Германской демократической республике и Алжирской народной демократической республике.** Очень трудно сузить понятие «демократии» только в приложении к так называемым североатлантическим государствам, если они сами на деле отказываются от этого термина, предоставляя его беспрекословно в распоряжение своих конкурентов.

Универсальность применения слова «демократия» сопровождается при этом такой же универсальностью применения партийных структур. «*Мир разделился на кричащие партии... Кто кого перекричит?*» («Вече» № 3). Разделение на три партийные под-системы (однопартийные, малопартийные и многопартийные) не объясняет всех затруднений парто-демократий. Во-первых: «*Сегодня пользуются уважением, как демократические, такие партии, которые не только имеют тоталитарную структуру, но чьи философские основы глубоко связаны с чуждыми нам понятиями свободы*», – пишет аргентинская газета «Эль Крониста Комерсиал» (29.5.78). Правда, такое положение действительно не только сегодня. Во время февральской революции социалисты и большевики считали себя представителями «демократии» и «демократических организаций» (П. Н. Миллюков, «Воспоминания», II, стр. 305). Да и Ленин говорил о своей «*революционно-демократической борьбе*» и о «*партийной сознательности социал-демократического пролетариата*». Гитлер тоже пришел к власти при помощи созданных им партийных структур, после того как его партия получила 39% голосов на выборах в январе 1933 года. Два месяца спустя, его партия получила на выборах 288 парламентских мест, против 120-ти мест социал-демократов, 81 коммунистов и 73 групп центра.

В сегодняшнем Китае тоже говорится о необходимости усилить демократию. Но и помимо социалистических стран, существует однопартийная демократическая система в Мексике, где только одна партия выставляет кандидатов в президенты республики, причем делает это «загадочным» путем («Ла Насион», 6.7.76). В этом и заключается одно из самых глубоких противоречий парто-демократических систем: даже когда выборы производятся формально демократическим способом, они всегда ограничиваются выбором между кандидатами, назначенными не демократически и очень часто даже не по деловому признаку. Поэтому Роберт Мосс, которого никак невозможно обвинить в антидемократичности, в своей книге «**Коллапс демократии**» пишет: «*Демократия не значит правление народа. Она значит правление политика, и во всех современных демократиях это равнозначно правлению партийного политика... Мы должны иметь в виду, что партийная система очень часто оставляет без представительства*

бесчисленных избирателей... Партидократия поощряет посредственность, вместо того, чтобы выдвигать настоящих лидеров».

Еще в прошлом веке Дизраэли сказал: *«Мир полон государственных мужей, которых демократия деградировала, превратив их в политиков».* И наш соотечественник Лев Тихомиров тоже обращал внимание на существование особого класса «политиканов». (Этот термин он заимствовал от жившего в прошлом веке американского писателя Брайса). В результате, большинство народа относится отрицательно к этой системе, но не имеет никакой возможности ее изменить. В феврале прошлого года во Франции опрос населения показал, что 78% избирателей считают, что кандидаты, выставленные партиями, *«больше заинтересованы в том, чтобы собрать голоса, чем исполнить то, что они сами говорят».* Недавнее исследование общественного мнения в Соединенных Штатах установило, что 52 процента независимых избирателей являются сторонниками создания третьей партии, из-за недовольства двумя существующими. Два года тому назад в Англии одна правительственная комиссия рекомендовала оказать финансовую помощь партиям для того, чтобы «остановить их упадок». Но этот упадок партий и их ставленников у власти ведет к упадку самой власти и к коррупции административного аппарата. «The Economist» писал, что коррупция в азиатских странах стоит их народам меньше, чем бюрократия в развитых странах, в тех случаях, когда эта бюрократия поглощает в виде налогов больше 15 % национального дохода, без одновременного достаточного увеличения экономического роста.

Таким образом, реальная власть в демократиях принадлежит не народу, а сословиям политиканов и бюрократов. Но кроме этого, существуют еще и другие структуры власти в демократиях. Особенно в последнее время стали очевидными новые формы политической власти в рамках современных государств: крупные экономические группировки, профсоюзы, средства информации, разного рода политические клубы и иного рода гласные, полугласные или негласные корпорации. *«В старых демократических нациях зачастую крупные решения должны сперва придти от этих новых форм средоточения власти, прежде чем они будут подтверждены формальными учреждениями.. Нужен новый Монтескье, который бы набросал подходящий строй разделения и равновесия для этих новых сил...»* (Артуро Улльяр Пиетри, вице-председатель ЮНЕСКО).

В статье «Кризис партийной системы демократий» архиепископ Виталий Канадский (РПЦЗ) пишет: *«Первое, что нас неприятно поразило, это снижение этического уровня будущих кандидатов в Парламент... Второе, что нам сильно бросилось в глаза, это оторванность народных масс от партий. Растет ров между народом и партиями... Итак, мы думаем, что партийная система явно отжила, не актуальна, создает некий вакуум между правительством и народом... Партийная система не демократична, и надо от нее отказаться, не отказываясь от выборного начала...»* («Православный вестник в Канаде», № 57, ноябрь 1972).

Однако, вопреки широко распространенному мнению, выборное начало не связано специфически с демократией. Зарождение и развитие демократии в Афинах было больше связано с применением **жребия**, на бобах, для выдвижения на политические должности, чем с выборами. **«Бросать жребий является демократическим учреждением. Выборное начало, наоборот, является олигархическим»** (Аристотель, «Политика»).

Выборное начало впервые получило широкое развитие и органическое применение в римской монархии, начиная с самого Ромула (разделившего город на тридцать куриЙ для голосований), и достигло своего совершенства при царе Сервии Туллии, учредившем *«разряды и цензуры, и весь основанный на цензе порядок – украшение и мирного, и военного времени»* (Тит Ливий). Затем это выборное начало перешло в Риме от монархии к республике, чтобы затем уступить место началу назначения при империи. Вообще же выборное начало применялось широко в монархических, аристократических и республиканских режимах, так что проводить аналогию между выборным началом и демократией является грубой ошибкой. Также ошибочно говорить: **«решим это демократическим способом»**, подразумевая под этим решение на основании

голосования. Если какое-то **решение принимается в двух этапах**, сначала узнавая общее мнение путем голосования, а затем достигая соглашения всех с преобладающим мнением, то тогда такой способ решения по-русски лучше всего будет называть **соборным решением** («решим это соборно»).

В свою очередь, А. И. Солженицын задает вопрос: *«И в сегодняшнем мире все больше проступает сомнение, и маячит нам поиск: а нельзя ли возвыситься и над парламентской много- или двух-партийной системой? Не существует ли путей **внепартийного, вовсе беспартийного** развития наций?»* («На возврате дыхания и сознания», из сборника «Из-под глыб»). Другой нобелевский лауреат, экономист Фридрих Фон Гайек, другими путями – путями защиты хозяйственной свободы – подходит к той же дилемме:

*«...Не демократия, как таковая, а частные формы демократии – которые теперь считаются единственно возможными формами демократии – производят развивающееся расширение правительственного контроля над экономической жизнью... Согласно общему признанию, в демократии власть большинства должна быть неограниченна... В таких условиях, та политическая партия, которая ожидает достичь и удержать власть, не будет иметь иного выбора, как воспользоваться своей властью для того, чтобы **купить поддержку** групп избирателей... Таким образом, корень зла находится в неограниченной законодательной власти современных демократий... Демократическая доктрина, как и всякая другая, должна выражаться в рамках разумного, и с учетом фактов, которые на вид ей противоречат. Утверждать ее, наоборот, как абсолютное верование, отмечая факты, когда они не подходят к предпосылкам доктрин, будет впадением в догматизм... Есть срочная необходимость различать между догматическим понятием демократии, для которой народное согласие невозможно вне известной деятельности политических партий, и более умеренным и реалистическим понятием... Для догматического склона демократов... предпосылкой «а priori» является, что нет иного большинства, как большинства демократических партий. Однако история доказывает, что народ чувствовал иные склонности, иногда к лучшему, иногда к худшему...».* («Эль Крониста Комерсиал 23.1.78).

Ввиду постоянного политического кризиса, в котором находятся десятилетиями многие демократические государства Южной Америки, в них, особенно в последние годы, все чаще и чаще раздаются мнения, подобные только что выше приведенным. Причем эти критические поиски причин политических затруднений, в которых находятся эти страны, происходят главным образом в среде наиболее порядочных демократических кругов.

Но не только в Южной Америке остро чувствуется кризис демократии, как доктрины и как практики. На недавно состоявшихся заседаниях Mont Pelerin Society на Тайване и в Гонг-Конге, перед избранной аудиторией в 300 человек представителей со всего мира, состоящей в своем большинстве из учёных, были высказаны весьма **деловые** замечания по поводу демократической практики. Немецкий профессор Гирш отметил, на основании опыта последних лет, что **снабжение народных хозяйств деньгами должно производиться постоянными банковскими учреждениями**, а не *«людьми, избираемыми каждые четыре года»*. Вышеупомянутый Фридрих Фон Гайек добавил, что в массовых демократиях ни одно национальное учреждение не в состоянии проводить политику **стабильных денег**, что и ведет к **разрушению свободного рыночного хозяйства**. Гайек надеется на политические реформы, исходящие из познания, что **теперешняя форма демократии не является единственно возможной**. Гайек говорит, что должны быть другие формы, и в частности предлагает двухпалатную систему, в которой верхняя палата состоит из лиц, **избранных на долгий срок по надпартийному признаку**. Верхняя палата вырабатывает «правила поведения» (rules of just conduct), в то время как нижняя палата (партийная) только может разрабатывать конкретные детали в рамках этих правил. Английский профессор Шенфильд тоже считает необходимыми политические реформы, так как демократия находится в разложении и в процессе распада, и ее можно спасти только путем реформ. Принадлежащий к чикагской школе экономист Стиглер отметил,

что современный гражданин часто поставлен перед порочным выбором мыслить коллективистически или «недемократически».

Скольжение демократий в сторону коллективизма заложено в самом современном понимании демократии: *«Одним из самых интересных и характерных аспектов демократии является, конечно, трудность ее определения... Но я предпочитаю описывать демократическое общество, как направляемое эгалитарным духом и одержимое желанием уравнивания, дать всё всем... Одним из последствий нашего технологического успеха, нашего благополучия, нашей энергии и воображения было исчезновение отличий не только между людьми, но и между всеми и каждой из вещей»* (Daniel J. Boorstin. «Democracy, and its discontents»).

Испанский философ Хулиан Мариас в статье **«Демократия политическая и демократия болезнетворная»** (Ла Насион, 14.11.78) ссылается на статью в газете «Нью-Йорк Таймс» от 15-го июля 1978 года Вильяма Манчестера, в которой подтверждается «уровнировка» демократического общества, требующего от нас, **«чтобы мы смотрели сверху вниз на тех, кто выше нас»**. В результате, лучшие люди («чрезвычайные души») оказываются в худшем положении, и не они, а «отбросы общества» определяют общий путь. Мариас напоминает, что шестьдесят лет тому назад, в год революции в России, Ортега-и-Гассет написал статью *«Болезнетворная демократия»*, в которой он говорит про демократию: *«Под покровом этой благородной идеи в общественное сознание было спущено порочное утверждение всего низкого и подлого»*. Всеобщее уравнивание ведет к уничтожению самого общества как такового. Тот же Мариас в другом месте пишет: *«Любое общество, это сочленение массы с меньшинством... масса организовывается, устраивается меньшинством... Жизнь массы невозможна без меньшинства»*.

Путем уравнивания всех и вся, демократия катится к социализму, этому общественному раку, уничтожающему органическую дифференциацию в обществе и заменяющему ее структурами насилия. В свое время немецкий философ Макс Шелер отметил, что общественные явления делятся на две категории: общественно-реальные и общественно-духовные. Общественно-реальные явления зависят от физической природы (территория, климат, раса и т. д.), в то время как общественно-духовные зависят от духовных качеств самого человека, от его свободы и от его культурного творчества.

По отношению к этим двум категориям общественных явлений, современные демократии осуществили, во-первых, **«демократию вещей»** и, во-вторых, **«демократию мнений»**. *Наша цивилизация основывается «не только на запланированном отживании продуктов и обслуживаний, но и на запланированном отживании всего вчерашнего. Когда раньше существовала демократия вещей настолько широкая, цветущая и завершенная?»* (Д. Бурстин). Но материалистическая демократия вещей отнюдь не значит «демократия действительности», так как действительность **игнорируется мнениями**. *«Одной из тенденций демократии является опасность, что риторика вытеснит или, по крайней мере, возьмет верх над эпистемологией. Это есть искушение допустить, чтобы проблема убеждения подчинила себе проблему познания»*. Бурстин перечисляет семь основных характеристик мнений, из которых образовывается общественное мнение современных демократий. Самое важное - это то, что мнения не основываются на явлениях (феноменах), а имеют тенденцию быть независимыми от самих явлений (то есть мнения «эпифеноменальны»). Автор переводит определение Оксфордского английского словаря, определяющего мнение как «суждение, основанное на фундаментах, которые не допускают полного доказательства...». Еще Платон говорил, что между наукой и «незнанием» находятся мнения, «докса».

Точкой соприкосновения между «демократией вещей» и «демократией мнений» является реклама. Бурстин утверждает, что реклама – *«эта особенная манера ссылаться на предметы»* - создала новый мир мифов, *«мир того, что ни подлинно, ни фальшиво»*.

Действительно, при помощи средств массовой информации, действующих одинаково как по коммерческому, так и по политическому заказу, производится искусственное намагничивание широких масс в определенных направлениях, причем **мифы играют роль**

силовых полей. С этого момента демократия перестает в действительности действовать, так как перестает существовать свободный и самостоятельный демос. Точно так же, как железные молекулы, попадая в магнитное поле, теряют свою свободную ориентацию, так и члены демоса, попадая в силовое поле «общественного мнения», фабрикуемого искусственно, начинают поляризоваться и принимать навязываемую им извне ориентацию. Значение коммерческой рекламы выходит за рамки чисто экономических проблем, что было многократно отмечено на состоявшемся в прошлом году в Буэнос-Айресе международном конгрессе, посвященном темам пропаганды и рекламы. Интересно, что буэносайресская газета «Ла Пренса», в своей передовице на эту тему от 18 января сего года, вспомнила того самого Брайса, на которого в начале этого века ссылался Лев Тихомиров, в прошлом веке утверждавшего силу и значение общественного мнения, как источника власти.

Пресыщенное давление коммерческой и идеологической рекламы на граждан современных государств ведет к их отчуждению от действительной исторической почвы и к потере ими собственного независимого сознания. Короче говоря, пропагандный гнет ведет к **беспочвенности и бессознательности** граждан, что влечет за собой далеко идущие последствия. Уже цитированный выше Бурстин, в том же самом труде, говорит: *«Мы потеряли смысл истории... мы только располагаем абстракциями и утопиями, так как нам не хватает средств исторического измерения и мы забыли традиционное уважение предков и культур наций с прошлым... Мы вышли из истории... Нас так захватывает “где мы находимся”, что мы избегаем “откуда мы приходим” и “как мы дошли”...»*. Это и есть потеря исторической почвы, необходимой как фундамент для настоящего и будущего, а еще более нужной для оценки современности путем ее сопоставления с прошлым. Отрыв от исторической действительности облегчает загон граждан в отвлеченные идеологические надстройки, что и ведет в конечном итоге к прямому или косвенному тоталитаризму. В конце прошлого года испанский философ Мариас, выступая по телевидению в Буэнос-Айресе, рассказал давний разговор со своим учителем Хозе Ортега-и-Гассет. Ортега говорил о впечатлениях своего посещения Германии сразу же после прихода к власти Гитлера, подчеркивая свое удивление по поводу того, что тогда *немцы «грузились на свою идеологию, как на заокеанский пароход»*. Ортега тогда добавил, что это не может кончиться хорошо, ибо **«на идеологию нельзя грузиться»**.

Потеря конкретного личного сознания гражданами ведет, в свою очередь, к **потере соборности в обществе**, так как, по словам Сергея Трубецкого, **«мы держим внутри себя собор со всеми»**. Собор со всеми значит **«собор и с предками»**, так что потеря соборности, в свою очередь, усугубляет историческую беспочвенность. То, что современные демократии как раз и преследуют эту цель отрыва от прошлого, подтверждается всей структурой ее учреждений, созданных на принципах прерываемости и непостоянства.

Кроме того, ущемление личного сознания граждан подрывает тот фундамент, на котором покоится само право в обществе. *«Право – прежде всего, явление психическое. Первоначальным источником права всегда и везде является наше сознание»* (Евгений Трубецкой). Потеря сознанием своей независимости ведет к потере объективного права, на место которого становится право субъективное, то есть положительное, ежедневно меняемое «законодательными органами» демократии. Инфляция законов, их постоянное изменение, проводимые систематично современными демократиями, ведут не только к практическим затруднениям, на которые указывал фон Гайек, но и обесценивают саму категорию права, как чего-то постоянного, нерушимого, одинакового для нас, как и для наших отцов и наших детей.

В связи с этим, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что независимо от всех злоупотреблений, наблюдаемых в современных демократиях, сама по себе демократия является единственной безличной формой правления. По классификации Аристотеля, все три правильные формы в той или иной степени связаны с личностями: правление одного (монархия), правление немногих лучших (аристократия) и правление

многих (республика, или, по-гречески, политея). Из трех неправильных форм, две тоже связаны с личностями, на этот раз с личностями отрицательными: тирания и олигархия. Только лишь третья неправильная форма, демократия, то есть власть всех, является властью безличной, отвлеченной. С одной стороны, это делает демократию наименее худшей из трех плохих форм, но с другой стороны, это ведет к опасности **захвата реальной власти в демократии тираническими и олигархическими элементами**. Но кроме того, отвлеченность и безличность демократической формы правления делает ее практически на деле почти что неосуществимой. Если понимать демократию по формуле Линкольна, как власть *«народа, народом и для народа»*, тогда только третья часть этой формулы осуществима полностью, ибо все же можно предположить существование власти *«для всего народа»*. Но никак нельзя себе представить существование власти, практически осуществляемой *«всем народом»*, в то время как власть *«всего народа»* можно понимать лишь символически. Поэтому современные демократии заблаговременно сделали оговорку, что имеется в виду *«представительная демократия»*. Народ правит только лишь через своих представителей, выбранных из числа кандидатов, предложенных партиями (или партией). Все держится на фикции тождества этих представителей и народа. *«В демократическом режиме политика – это искусство заставить верить народ, что народ управляет»* (Л. Латцарус). Но фактически это не демократия, а олигархия, или, в лучшем случае, аристократия. Что усугубляется присутствием не публичных источников власти и широко применяемой практикой управления общественным мнением граждан. Интересно, что Руссо отрицал за выбранными депутатами право представлять народ: *«С того момента, как народ выберет своих представителей, он уже не свободен... Народные депутаты не являются и не могут быть его представителями... они всего лишь его комиссары, они не могут, в конечном итоге, ничего решать»*. В свою очередь, Мэдисон считал, что демократия тем и отличается от республики, что в демократии управление совершается прямо, без представительства. Поэтому размеры демократических государств ограничены, повторяет он вслед за Аристотелем.

Таким образом, в современных демократиях не публичные источники власти совместно с партиями ведут народ в определенном направлении, при помощи массовых средств информации и других способов воздействия на общественное мнение, причем все это прикрывается юридической фикцией, что представители партий тождественны всему народу. Такое **ведение народа**, с известной долей обмана, по греческой терминологии Аристотеля называется **демагогия**. **Демагогия путем партийной гегемонии**. Аристотель в «Политике» точно и недвусмысленно указывает, что **«демагогия присуща тирании и демократии»**.

Интересно, что на известное родство демократии и тирании, кроме совместно присущей им демагогии, указывает также и общая у этих двух форм правления тенденция к эгалитарности, уравниловке. Выше мы видели, как Бурстин, являющийся убежденным сторонником демократии, определяет ее, в первую очередь, как общество, *«направляемое эгалитарным духом и одержимое желанием уравнивания»*. Еще за шесть веков до Р. Х. милетский тиран Фразибул, на вопрос своего друга коринфского тирана Периандра о лучших способах правления, долго сбивал перед его послами тростью в поле колосья, поднявшиеся выше других, ничего при этом не говоря. Совет тирана тирану был понят: в обществе никто не должен выдвигаться. Современное скатывание демократий к социализму, если даже не в политическом, то хотя бы в экономическом отношении, соответствует самой сути демократии, как неорганической формы правления, не терпящей естественных иерархий в обществе, публично признанных. Отсюда мистериальная скрытность действительных иерархий (так как без иерархий по самой своей природе общество не только людей, но даже и животных не может обойтись) в современных демократиях, а также и одновременное выкорчевывание всякой органичности в обществе. Отсюда и угроза социализма, этого культа максимальной эгалитарности и максимальной неорганичности в обществе, то есть, другими словами, культа рака в обществе. Гениальное определение Шафаревичем **социализма, как**

инстинкта смерти можно дополнить указанием, что социализм ведет к смерти через рак общества. А демократия к этому подготавливает.

Поэтому в последнее время среди демократов, настроенных против социализма, делаются многочисленные попытки раздвоить демократию на два типа: демократию свободы и демократию равенства. Употребляются и другие выражения, как, например, «либеральная демократия и демократия масс», или «народническая демократия», т. н. «популизм». Один комментатор даже дает для этого теоретическое обоснование: мол, в основе обеих демократий лежит общественный договор, только последователи Локка считают, что договаривающиеся хотят обеспечить себе свободу, а последователи Руссо считают, что договаривающиеся хотят обеспечить себе равенство. Желающие обеспечения свободы уже обладают материальными благами и хотят их свободно сохранить в будущем. Желающие обеспечения равенства считают себя обездоленными и хотят в будущем догнать (и перегнать) тех, кого они считают не обездоленными. Первые являются консерваторами, вторые социалистами. Но все они демократы. (Guicciardini, «La Aporia», “El Cronista Comercial”, 1.11.78). Но при всех этих теориях, умалчивается тот факт, что в представительных демократиях нет договаривающихся сторон, а есть сторона активная, навязываемая (кандидаты) и сторона пассивная, голосующая, но на деле условий не ставящая, и прав на контроль не имеющая.

Очень редкие комментаторы считают, что выходом из положения может быть третий вид демократии: демократии авторитарной. Английский публицист Роберт Мосс, сам убежденный демократ, считает, что для будущего необходимо рекомендовать «умеренно авторитарное правление», но он является исключением. В общем же, демократы против авторитарного строя, и до некоторой степени они правы в этом, так как авторитарными на деле являются только лишь три правильные формы правления: монархия, аристократия и республика.

Недвусмысленность аристотелевой терминологии до сих пор была преодолеваема идеологами демократии просто путем подлога в переводах. Например, в переводах на испанский язык, там, где у Аристотеля по-гречески написано «демократия», по-испански переводили словом «демагогия». Таким образом, все то плохое, что писал Аристотель про демократию, приписывалось демагогии. Но демагогия не есть тип власти, начальства (по-гречески «кратос» и «архэ»), а является одним из признаков, действий, присущих двум формам власти: тирании и демократии. Бороться с такими подлогами в области человеческой мысли чрезвычайно трудно, как это видно, например, на живучести в течение веков исторического подлога, известного под названием «константиновых регалий», на основании которых строились папские притязания на светскую власть. В моей статье «Демократия», в № 1319 «Нашей Страны», от 10-го июня 1975 года, я детально уточнил подлинную греческую терминологию, касающуюся разных форм власти, со ссылкой на места в оригинале Аристотеля, на основании изданий «Политики» на греческом языке, с параллельным переводом на испанский, сделанным Хулианом Мариас и М. Араухо (Мадрид, 1970).

В прошлом году в Буэнос-Айресе вышла книга аргентинского философа Хорхэ Л. Гарсиа Вентурини «Politeia», в которой он тоже признает подмену одного слова другим: *«До 18 века текст Аристотеля переводили верно, и тогда это слово (демократия) выражало **несправедливую и заслуживающую осуждения** форму правления... В мысли у Аристотеля в этом случае было то, что мы сегодня... зовем демагогия, каковое выражение он и должен был бы употребить в этом случае»* (стр. 36 и 37). Получается, что Аристотель виноват, что мы сегодня неправильно переводим его терминологию! Но Вентурини добавляет: *«Мы являемся решительными сторонниками того, чтобы перевод оригинальных терминов делался буквально, между прочим потому, что этот смысл продержался в течение двух тысячелетий»*. Но он добавляет, что необходимо разъяснить все последующие «семантические трансформации». И в другом месте снова добавляет: *«Почему Аристотель употребил выражение демократия вместо демагогия, не очень ясно»* (стр. 60). Дело в том, что в слово «демократия» вложено столько «капитала», что теперь

просто жалко терять это слово. Интересно, что Вентурини приводит, как редкий пример недемагогической власти, нашего св. князя Александра Невского: *«Несомненно, становятся все менее частыми такие позиции, как Александра Невского, который перед аккламирующей его толпой, восклицающей «Мы любим тебя, княже», ответил: «Я не пришел, чтобы вы меня любили, а для того, чтобы вами управлять»»* (стр. 57).

Чтобы как-то спасти это возведенное в своего рода фетиш слово, делаются попытки не только раздвоить это понятие, как мы уже видели выше, на два типа демократии, но выдумываются и новые слова для того, чтобы на них свалить все плохое, что относится к демократии. Тот же самый Вентурини в 1975 году предложил новое выражение «какистократия», что значит «власть худших». Этот термин был подхвачен многими. В США должна выйти (или уже вышла) книга экономиста и философа Leonard-a Read-a под названием «Kakistocracy: A government of knaves for fools». Также раздаются голоса за то, чтобы пустить в оборот когда-то придуманное Ортегой словечко «**демократизм**».

В заключение этого перечисления разных попыток определить смысл и значение выражения «демократия», никак нельзя оставить в стороне слова известного аргентинского писателя и поэта Хорхе Луис Борхэс: *«В наше время говорится слишком много о демократии. Это слово часто скрывает **тиранию большинства**, ту, которую Киркегаард заклеил фразой «номер зверя или зверь номера». Это тирания, которая в прошлом имела маску антипарламентаризма. Сегодня она облачается в парламентаризм, контролируемый олигархиями вне парламента, и с **массами, прикованными к идеологическому мифам**. Никто мне не простил эту критику и то, что я определил демократию как **суеверие, основанное на статистике**».* («Ла Насион», 4.5.1977).

Во всяком случае, **преодоление терминологических неясностей и неточностей является необходимой предпосылкой для дальнейшего развития политической мысли**. Без точной терминологии невозможна никакая наука, а политика является наукой. Следующим затем шагом должно быть очищение политической мысли от идеологических предрассудков, искажающих самый смысл таких необходимых понятий, как право, авторитет, легитимность, монархия, республика и т. д. В течение почти двух веков велась гигантская работа, чтобы помрачить смысл многих понятий. Спасение от грозящего всеобщего рабства невозможно без освобождения от словесной лжи, которой опутана вся наша современная цивилизация.

Наш великий ученый Ростовцев, исследуя причины падения западной Римской империи, приходит к выводу, что это падение стало неизбежным с того момента, когда в империи прекратилось политическое творчество и когда на смену творчеству пришло идейное и бюрократическое окостенение. Развитие государственной жизни зависит от развития политической мысли, порабощение которой ведет к политическому рабству.

Говоря про западный римский мир до его падения, другой крупный историк, Моммзен, писал: *«В этом мире еще продолжало существовать много чтимых вещей, законы прошлых веков, бесконечное количество величий и блеска, но почти не было души, и еще меньше вкуса, так как только думали о наслаждениях жизни».*

К сожалению, уроки истории проходят мало замеченными.

И. Н. Андрушкевич

(«Наша Страна» № 1512-1513, 2 марта 1979 г.).

Русские тетради. Историко-политические анализы и комментарии.

№ 30. Буэнос-Айрес, июль 2016 года. X год издания. Издается на правах рукописи.

Издатель и редактор: И.Н. Андрушкевич. Электронный адрес: kadetpismo@hotmail.com

При использовании материалов ссылка на источник обязательна.